

МИРЫ МАРИИ СЕМЁНОВОЙ

Волкодав

Волкодав. Право на поединок

Волкодав. Знамение пути

Волкодав. Самоцветные горы

Волкодав. Истовик-камень

Волкодав. Мир по дороге

**МАРИЯ
СЕМЁНОВА**

ВОДКОДАВ
ИСТОВИК-КАМЕНЬ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
С 30

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-07369-2

© М. В. Семёнова, 2001
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство АЗБУКА®

*Мой прадед был из тех, кто не сберёг свободы.
Подраненный в бою, пощады запросил
И в доме у врага оставшиеся годы
Прозвание «раба» без ропота носил.*

*Должно быть, он сперва хранил в душе надежду
Вернуться в прежний мир: «Судьба, не разлучи!...»
...Но вот хозяин дал и пищу, и одежду,
И кров над головой в неласковой ночи.*

*И больше не пришлось в заботе о насущном
Решать и знать, что жизнь ошибки не простит.
Хозяин всё решит, хозяин знает лучше,
За ним рабу живётся и сыто и в чести.*

*Свободному закон не очень мягко стелет,
Свободный, он за Правду стоит порой один...
Ну а раба — не тронь! За ним его владелец.
А провинится раб — ответит господин.*

*И женщину он даст — супругу не супругу,
Но всё ж таки утеху толковому рабу...
...И время потекло по замкнутому кругу,
В котором повелось усматривать Судьбу.*

*И прадед мой не слал ей горьких поношений,
Не возносил молитву о разрешенье уз.
Ведь право рассуждать, ответственность решений —
Кому-то благодать, кому-то тяжкий груз.*

*И прежняя свобода — закрытая страница —
Всё более казалась полузабытым сном.
Иною стала жизнь — и мысли об ином...
...А внукам его свобода и не снится.*

1. Пёсий вой

Отгорел закат, и полная луна облила лес зеленоватым мертвенным серебром. Было тихо, лишь ветер, вечно дующий в этих местах, заставлял вершины сосен еле слышно шептаться. Ветер дул всегда в одном направлении — с гор. Его так и называли: горыч. Отдельно стоявшие, окраинные деревья росли согнутыми в вечном поклоне этому ветру, с сучьями, вытянутыми в одну сторону, как флаги. Горыч зарождался высоко, на промороженных ледниках, где горело холодное сизое солнце и не было места ни зверю, ни человеку. Здесь, внизу, на прожаренной, как сковородка, равнине, смертоносное дыхание льдов становилось живительно-влажным и позволяло вырасти лесу. Не худосочному степному кустарнику, проникшему жилистыми корнями на много саженей сквозь сухие бесплодные недра, а настоящему лесу!

Темноволосый мальчик, то шагавший, то пытавшийся устало бежать по старой дороге, пугливо косился по сторонам, и даже отупляющее изнеможение не могло заставить его смотреть исключительно под ноги. Ему было страшно. Он решился войти сюда только потому, что остаться одному было ещё страшнее. Случись на то его воля, он нипочём бы не согласился здесь жить. Другое дело, до сих пор его согласия спрашивали очень редко. И вряд ли спросят в дальнейшем. Таков был порядок вещей, предопределённый задолго до его рождения, и оспаривать этот порядок у мальчика даже мысли не возника-

ло. Но неужели там, где судьба скоро отведёт ему жить и прислуживать новому господину, тоже не окажется ни полей, ни степи, ни открытого неба — ничего, кроме этих ужасных деревьев повсюду?..

Мальчика звали Каттай, что на древнем, лишь в книгах оставшемся языке означало «ремесленник, делающий кирпичи». Там, где он вырос, люди не привыкли к лесам. Вокруг стольного города Гарната-ката расстилались пастбища, пашни да виноградники, а между ними — лиственные рощи, видимые на просвет. Леса, которые можно было пересечь пешком за неполных полдня, считались дремучими чащобами. Людская молва населяла их хищными страшилищами, которыми пугали не только детей...

Каттай был мальчиком не из самых отчаянных, а проще говоря — послушным и робким, и боялся того, чего ему с младенчества велено было бояться. Но теперь он видел, что «страшные» леса его родины против здешних — как игрушечная лошадка против свирепого боевого коня-хара, чьи копыта и морду хозяин-воин после сражения не спешит обтирать от вражеской крови. Воистину, эти леса были способны смутить не только десятилетнего уроженца западного Халисуна! Здесь воззвали бы к своим Богам даже многоопытные лесовики родом из баснословных северных дебрей, о которых никто не мог с уверенностью сказать, существуют ли они на самом деле. Взять хоть дорогу, по которой из последних сил переставлял ноги маленький странник. Лишь отъявленный лжец сказал бы о ней, будто её здесь *проложили*. О нет! Она смиренно *пролегла* там, где лес ей позволил. Ради неё не валили деревьев. Наоборот — это дорога благоговейно и опасливо огибала чудовищные стволы! Стволы столь громадные, что внутри каждого можно было бы изваять целый дом. И немаленький дом. С просторными жилыми хоромами, кухней и помещением для

рабов. Наверное, даже небольшому скотному дворику нашлось бы местечко...

Подумав так, Каттай ужаснулся посетившим его святотатственным мыслям. У него дома лишь у кустарника брали ветви, необходимые для корзин, а на окраину леса смиренно ходили не с топором — с верёвкой для хвороста. Что, если могущественный дух этой чащи услышал помыслы нечестивца и из-за деревьев вот-вот ринутся разъярённые демоны?..

Измученные ноги так и приросли к месту. Мальчик пугливо огляделся по сторонам и заплакал. Его шаровары отяжелели от пыли, простую неподпоясанную рубашку густыми разводами выбелил пот, а желудок, пустой со вчерашнего дня, от усталости уже перестал требовать пищи. Жажда сделала слёзы густым жгучим рассолом, нехотя истекавшим из глаз. В десятке шагов от дороги слышалось ласковое воркование лесного ручья, но Каттай так и не решился приблизиться к нему, чтобы умыться лицо и напиться. Демоны всё не появлялись. Страх вновь погнал мальчика вперёд, и он сперва зашагал, потом неловко побежал по дороге. Наверное, он так и умрёт, догоняя караван, от которого отстал. Если даже его не схватят лесные духи, то наверняка съедят звери или доконает усталость. Но пока он ещё жив и может идти — он не остановится и не повернёт из этого леса назад. Ибо горе тому, кто не исполняет своего Предназначения и не считается с ним... Каттай давился слезами и размазывал их рукавом по грязным щекам. Лес, облитый луной, еле слышно роптал, отвечая на его бессловесную жалобу. Морщины обросшей лишайниками коры складывались в бородатые лики, ветви двигались и клонились в неторопливой беседе... Мудрый лес, видевший всё и знающий всё. Он многое мог бы поведать Каттаю в остережение и науку. В том числе о предназначении и судьбе. И о жизни, которая не всегда послушна даже Богам — ибо Лес был определённо старше некоторых Богов...

Но в огромных голосах Сущего каждый слышит лишь то, что способен постичь. А по дороге бежал всего лишь маленький мальчик. Голодный, напуганный мальчик, во все не расположенный созерцать величественные бездны Вселенной...

Солнечные лучи уже благословляли лесные вершины, и на косматых головах великанов, где ночью играли и прятались звёзды, одна за другой вспыхивали огненные короны. Свет и тепло медленно сползали вниз по стволам, но слишком долг был путь до подножий, до вросших в землю корней. Не скоро будет озарена маленькая поляна, не скоро над нею развееется пронизанный косыми отсветами туман...

Середину поляны занимало глубокое круглое озеро. Редкие путешественники, проезжавшие здесь, не удосужились дать озеру имя, но передавали друг другу, что вода, сквозь которую было видно кремнистое дно, очень вкусная и холодная. Она не испортится, если запасти её в бурдюках для путешествия через засушливые равнины. А если выкупаться — даже целебная. Как говорили, делала она мужчин ещё более мужественными и привлекательными для женщин. Может быть, именно из-за холода и чистоты, а впрочем, кто знает?

На прибрежном камне стоял молодой раб и держал в руках полотенце. Полотенце было из тех, что умели делать лишь халисунские ткачи, непревзойдённые мастера хлопка. Эти мастера исхитряются класть нити удивительным образом, уподобляя ткань мохнатой меховой шкуре, причём с обеих сторон. Подобное полотенце дивно впитывает влагу и приятно массирует тело. Рассказывают, будто не один тайный подсыл отдал жизнь за попытку увидеть ткацкий станок, порождающий подобное чудо. Многие пробовали своим умом изобрести нечто подобное и повторить знаменитую халисунскую работу,

но до сих пор никто не преуспел. Оттого полотенце стояло больше, чем невольник, бережно державший его наготове для господина, и сам раб о том знал.

Ни другого берега, ни даже середины озера не было видно в тумане. Оттуда, из неспешно вихрившихся ключев, плескали на камень бодрые волны, поднятые сильными руками пловца, и время от времени раздавался довольный мужской смех. Потом в тумане произошло движение, и над водой смутно обрисовались плечи и голова человека, вброд шедшего к берегу. Фыркая и весело отдуваясь, мужчина поднялся на отлогий камень, и раб сразу накинул на него полотенце. Крепкое, стройное тело хозяина было пупырчатым и красным после холодной воды.

— Хорошо ли выкупался мой господин? — почтительно спросил юноша.

В левом ухе у него висела серьга — крупная бусина из твёрдого дерева на железном шпеньке, с выжженной надписью на саккаремском: «Ксоо Тарким». Пережиток давно минувших времён, когда воинственные предки Ксоо Таркима пригвозждали пленников к шестам за уши, а клейма выжигали на теле. С тех пор, по воле Богини, в Саккареме многое изменилось. Кое-кто полагает, что люди сделались милосердней, а кое-кто — что они стали просто слабей. Теперь случается и так, что грамотный и сметливый невольник правит хозяйством, а господин живёт в праздной лени, даже не умея читать. Но Тарким из славного рода Ксоо был не таков. О нет, совсем не таков!

— Вода пробуждает к долгому дню, полному преодолений, — дружески отвечал он слуге. — Я оденусь сам, а ты, Белир, скорее неси чай.

Ещё две тени, неслышно маячившие в тумане, тотчас подались прочь и растаяли. Господин выкупался. Теперь можно брать воду на питьё и пищу для невольников...

Немного погодя Ксоо Тарким сидел на ковре и с наслаждением потягивал чай, крепкий, горячий, в меру одобренный сладким мельсинским вином: Белир хорошо знал пристрастия господина. Рядом с чайником лежали на блюде всего два жареных пирожка. По утрам Тарким никогда не ел много, ибо полагал, что брюхо, набитое спозаранку, лишает бодрости мыслей. Ему нравилось это безымянное озеро, неизменно дававшее его караванам желанную передышку, нравился краткий момент праздности после купания, который он всегда позволял себе здесь утром: посидеть за чаем и помечтать, просто *помечтать* о грядущих свершениях дня...

Ему нравился даже ветер-горыч, всегда ровно и неизменно тянущий в одну сторону. Ветер уносит прочь скверные запахи каравана, позволяя дышать чистым лесным воздухом. Увы, уже нынче к вечеру благодать кончится. Сегодня они заночуют в предгорьях, и Белир вытащит из хозяйских выюков толстое меховое одеяло и тёплый кафтан...

Между тем солнечные лучи достигли земли и прогнали остатки тумана, льнувшие к древесным корням, и стал виден караван, расположившийся на том берегу. Ах, где вы, благородные путешественники минувшего, воины и торговцы, имевшие — если верить книгам — дело лишь с пряностями и серебром!.. Караван Ксоо Таркима был не из тех, на которые приятно смотреть. На лужайке у берега щипали траву четыре саврасые лошадки некрупной, но сильной и очень выносливой нардарской породы. Когда придёт пора трогаться в путь, их впрягут в стоящую под деревьями повозку. Повозка большая и вместительная; в ней путешествует имущество Таркима и много зерна, засыпанного в мешки. То, которое лучше, — на корм коням. То, которое дешевле и хуже, — на кашу для трёх десятков людей. Потому что эти так называемые люди лучшего обращения поистине не заслужили.

К задку повозки намертво приделана длинная и толстая цепь, а к цепи попарно — кто за правую руку, кто за левую — прикованы рабы. В этом заключается необычность. В пристойном караване рабы идут сами, а дети, нежные красавицы и старики со старухами даже едут в возках. Но у Таркима такие рабы, что ни один здравомыслящий человек себе подобных не пожелает. Месяц назад все они сидели за тюремной решёткой — воры, грабители и мошенники, пойманные с поличным, — и в старые славные времена, о которых так тоскует Таркимов отец, Ксоо Хармал, их давно бы уже казнили на рыночной площади, когда приходит весна и настаёт время очищать тюрьмы. Нынешний шад, да прольётся ему под ноги дождь, ограничил смертную казнь, и теперь подвалы освобождают иначе. Скопившийся за зиму сброд продают за бесценок торговцам, а те выбирают мужиков поздоровее и доставляют на рудники. И без цепей тут не обойтись, ведь разбойный люд не ценит продления жизни, дарованной милосердием шада, и только думает о том, как бы сбежать. Потому идут Таркимовы рабы грязными, нечёсаными и немытыми, потому и выглядит его караван до того непотребно, что самому хозяину неохота смотреть. Одно благо — недалеко осталось шагать. А там, в Самоцветных горах, за сильных парней дадут настоящую цену. Золотом и дорогими камнями. Даже не спрашивая о строптивости нрава. Там из самых опасных, благодаря которым Тарким в пути некрепко спит по ночам, живенько повышибут дурь...

...Надсмотрщики неторопливо шли вдоль цепи, черенками копий и просто пинками поднимая тех, кто ещё спал или притворялся, что спит. Рабы огрызались в ответ, переругиваясь на нескольких языках. В большом котле, подвешенном над огнём, булькала ячменная каша.

Размышления хозяина каравана были прерваны внезапным возгласом одного из надсмотрщиков. В дальнем

пути следует быть готовым решительно ко всему, но неожиданное всегда застаёт врасплох, иначе оно называлось бы по-другому. Ксоо Тарким тревожно вскинул голову, едва не расплескав из чашки душистый чай: «Что? Неужели за ночь кто-то пропал?..»

Оказалось, однако, что в караване произошла не убыль, а прибыль. Туман рассеялся окончательно, открыв дорогу, накануне выведшую их к озеру. И Тарким увидел, что по дороге, хромя и спотыкаясь, из последних сил плетётся мальчишка.

— Каттай?.. — искренне изумился торговец. — Во имя запылённых сандалий Хранящей-в-пути!.. Вот уж не думал, что он найдётся. Да ещё сумеет нас догнать!..

Правду молвить, вчера он почти обрадовался, когда после дневного привала они недосчитались маленького паршивца. Его, конечно, искали, но больше для виду. От такого раба немного толку в дороге, да и на рудниках за него большой цены не дадут. Тарким его и купил-то скорее из желания выручить старого знакомого, неожиданно испытавшего затруднение в деньгах... Пропал — и да будет к нему милостива Богиня. И что же? Потерявшийся было мальчишка стоял тут как тут, грязный, измученный... но, по всей видимости, невредимый. Вот он разглядел Ксоо Таркима и хотел было к нему побежать, однако ноги вконец отказались повиноваться. Надсмотрщик, широко улыбаясь, подхватил его и понёс. Он, вообще-то, немногим отличался от своих подопечных, этот надсмотрщик; его звали Харгелл («Наверняка не настоящее имя», — время от времени думал Тарким), невольники боялись его жестокой руки, а рожа у Харгелла была самая что ни есть воровская, и Тарким нимало не сомневался, что в одном из городов Нарлака по нему скучает верёвка. Но вот мальчишку нёс так, словно тот был его собственным сыном, утраченным и вновь обрётённым. Торговец удивился, глядя на них, и помимо воли ощутил, как отозвалось что-то внутри.

Харгелл приблизился и поставил было Каттая перед хозяином, но мальчик немедленно упал на колени:

— Мой господин!.. Прости ничтожного раба, мой великодушный и милостивый господин...

Тарким безуспешно попробовал напустить на себя строгость:

— Прощу, если правдиво расскажешь, что с тобой приключилось.

— Вчера, — всхлипнул Каттай, — ничтожный раб сильно стёр ноги, мой господин. Раб устал и крепко заснул под кустом. Он не слышал, как караван отправился в путь. Когда раб проснулся, вокруг никого не было, а солнце уже клонилось к закату...

Его с детства приучили к тому, что в присутствии хозяина раб не должен говорить о себе «я»: это привилегия свободного человека, право, которое предки Каттая утратили давным-давно.

Тарким отхлебнул чаю:

— И ты побежал меня догонять?

— Да, мой милостивый господин...

В эту ночь, один-одинёшенек на лесной дороге, Каттай ничего так не хотел, как вновь оказаться в караване хозяина. И вот это сбылось, и немедленно навалился новый страх, страх наказания. Нерадивых рабов, слишком крепко засыпающих под кустами, по головке не гладят. А если поведение Каттая будет истолковано как попытка побега, прекращённая из-за боязни погибнуть в незнакомых местах?..

Хорошо было лишь то, что кончилась неизвестность, кончился этот бег навстречу неведомому. Теперь только выслушать приговор господина — и принять свою судьбу, какой бы она ни была.

Но Тарким не первый год торговал невольниками и, конечно, видел мальчишку насквозь. Он отпил ещё чаю и велел:

— Разуйся и покажи мне ноги.

Каттай неверными движениями распутал завязки сапожек, когда-то нарядных, а теперь до такой степени забитых пылью, что невозможно было разобрать даже их цвет. Эти сапожки на прощание подарила ему мать, Арзуни. «Служи верно и преданно, куда бы ты ни попал, — говорила Арзуни, — Раб, зиждущий честь господина, будет вознаграждён от Богов...» Босые ступни Каттая являли самое жалкое зрелище. Их сплошь покрывали волдыри, большей частью лопнувшие и запёкшиеся кроваво-грязными корками. Пот и сукровица пропитали кожу сапог, растворив краску, и она перешла на человеческое тело, украсив природную смуглость бурыми полосами.

— Почему ты не пошёл босиком? — спросил Тарким. — Так ты сохранил бы и ноги, и обувь. Посмотри, во что ты себя превратил! Мозоли-то заживут, а вот сапоги теперь только выбросить...

— С позволения милостивого господина, ничтожный раб вырос в городе... — дрожа с головы до пят, выговорил Каттай. — Он не умеет долго ходить босиком... Он не надеялся догнать караван, если разуется...

Тарким взял с блюда второй пирожок.

— Харгелл! — окликнул он надсмотрщика (и Каттай вздрогнул, отчаянно прижимая к груди материны сапожки). — Проследи, чтобы этот раб хорошенько промыл ноги, и дай ему мази из горшочка, что под крышкой с красной полоской. Пусть едет сегодня в возке, а дальше посмотрим.

— Мой великодушный и добросердечный господин... — начал было Каттай, но слёзы облегчения хлынули таким потоком, что перехватило горло, и он не смог ничего больше сказать.

Он хотел было подняться, но теперь, когда напряжение отпустило, израненные ступни не выдержали соприкосновения с колючей травой, и Каттай вновь пова-

лился на колени. Подошёл Харгелл, поднял его на руки и понёс к берегу озера. Обветренная, в шрамах, рожа надсмотрщика кривилась в непривычной улыбке. Таркима, наслаждавшегося последними мгновениями отдыха, даже посетила ленивая мысль о странной нежности, что порой возникает у зрелых мужчин к молоденьким мальчикам. Эта мысль не задержалась надолго. Он слишком давно знал Харгелла. И его хозяйшку, ожидавшую восьмого ребёнка.

Когда караван тронулся в путь, Каттай уже крепко спал на мешках. Он даже не почувствовал, как тронулась с места повозка. Сапожки, почти совсем отчищенные от пыли, лежали у него под головой, и завязки от них он на всякий случай привязал себе к пальцу.

Маленький халисунец проснулся, когда день давно уже перевалил полуденную черту. Его разбудил изменившийся ритм колёсного скрипа, и он испуганно вскинулся на своём ухабистом ложе, спросонок решив, что вновь задремал под кустом и прозевал уход каравана. Но обмотанные тряпицами ступни тут же чиркнули по тугим выпуклостям мешка, Каттай вздрогнул, ахнул и сразу всё вспомнил. Он открыл глаза. Над ним тяжело трепетал кожаный полог, ограждавший зерно от птиц и дождя. Сзади возок был открыт, и там, вечеряя, неистово синело солнечное небо, а в нём плыли, удаляясь, белые облака и последние высокие вершины отступившего леса.

Утром, у озера, Каттай вволю напился воды. После долгой ночной гонки она была воистину благословенна, но теперь часть её ощутимо просилась наружу. Мальчик приподнялся и выглянул из повозки.

Там тянулась прочь и колебалась на весу длинная толстая цепь. Её звенья были покрыты густой ржавчиной всюду, где не тёрлись одно о другое. Через каждые два локтя от неё отходили цепи потоньше, увенчанные пара-

ми железных челюстей. В этих челюстях, запертых особым замочком, плотно и прочно удерживались человеческие руки. Колёса и копыта коней взбивали тонкую пыль, и она садилась на лица, волосы и одежду мужчин. Шедшие впереди успели за время пути стать одинаковыми буро-серыми близнецами, различимыми только по росту.

— Ага! — проворчал тот, что шагал слева. Одно ухо у него было отсечено. Вероятно, ещё в юности, когда впервые попался на краже. — Сопливый царевич проснулся, мать его шлюха! Как попивалось, вельможа?..

Каттай лишь втянул голову в плечи и ничего не ответил на незаслуженные слова. Он не первый день был с ними в пути. Иногда на привалах он помогал Харгеллу и другим надсмотрщикам раздавать кашу. После того как один из рабов в благодарность запустил в него камнем, а ещё двое звероподобных попробовали схватить — Каттай понял: господин Тарким собрал в своём караване все не тех благонравных невольников, которых, бывало, ставила ему в пример его мать.

— Отстань от мальчонки, Корноухий, — почти добродушно проворчал тащившийся справа. И сплюнул, выхаркивая из горла дорожную пыль. — Во имя ложа Прекраснейшей, рухнувшего во время весёлых утех! Ты-то сдохнуть готов, только чтобы другому не было лучше.

В караване почти не употребляли имён, обходясь прозвищами, придуманными на месте. Этого раба звали Рыжим: прежде чем все цвета уничтожила грязь, у него была густая шапка тугих рыжих кудрей.

Шедший слева выругался на неведомом Каттаю наречии и яростно дёрнул цепь, чем тут же вызвал сильные проклятия сзади. Каттай слышал когда-то: раньше «поводки» от общей цепи крепили к ошейникам. Потом от этого отказались. Не потому, что железные обручи натирали невольникам шеи, — из-за драк, приносивших хо-

зьяевам караванов убыток. Конечно, прикованные за руку тоже дрались — а как же без этого, если своенравные и задиристые мужчины оказываются насильно скучены вместе! — но шеи друг другу ломали всё-таки реже.

— Я тоже стёр ноги!.. — рычал между тем Корноухий. — Дома мы, бывало, таких домашних любимчиков... Которые задницу готовы лизать за сладкий кусок...

— Вот тут ты не прав, — спокойно возразил Рыжий. — Ты ведь тоже всё слышал. Мальчишка ни о чём не просил. Ему сказали — лезь в повозку, он и полез...

На самом деле Рыжий Каттаю даже нравился. Он был единственным, кто за миску каши говорил ему «спасибо», и некоторым образом чувствовалось, что человек он учтивый, быть может, даже образованный. Но сейчас они с Корноухим рассуждали так, словно Каттая здесь вовсе не было. Так позволительно вести себя свободным господам на торгу, когда они выбирают раба и спорят о его достоинствах: один, как водится, хвалит, а другой всем недоволен. Каттай ощутил не то чтобы обиду — ему давно объяснили, что потомкам пленников как бы не положена утраченная их предками гордость. На него просто напала глухая тоска: «И зачем они говорят обо мне так, ведь, во имя Лунного Неба, я никому из них плохого не сделал?..» Он отвернулся и, стараясь опираться в основном на колени, пополз обратно под полог.

Скоро ему повезло. Примерно посередине обнаружилось место, где тяжёлые мешки, наваленные один на другой, неожиданно открывали сплетённое из толстых веток дно повозки. Солнечные лучи косо стлались над землёй, и внизу можно было разглядеть колеи и неспешно проплывавшую траву. Здесь Каттай облегчил наконец свою телесную надобность. Как раз когда он наново подвязывал и поправлял шаровары, повозка в последний раз охнула, наехав на кочку, и остановилась совсем. Впереди сделались слышны голоса. Каттай пробрался ещё даль-

ше вперёд, оказавшись прямо за спиной возчика, и выглянул сквозь кожаную шнуровку.

Он сразу увидел господина Ксоо Таркима. Тот сидел на своей лошади, перекинув в знак миролюбия левую ногу через седло, и разговаривал с двумя мужчинами, стоявшими возле дороги. Немного поодаль щипал травку ослик, впряжённый в оглобли. Тележка на двух больших деревянных колёсах напомнила Каттаю кое-что виденное ещё дома: её кузов представлял собой прочную и довольно большую — каждая сторона почти в размах рук — клетку. В городе Гарната-кат, где жил раньше Каттай, во дни больших праздников в таких клетках возили по улицам леопардов из зверинца государя шулхада. Клетка и теперь была не пуста. Только вместо опасных диких зверей в ней сидели двое мальчишек немного старше Каттая. Русоволосые и светлоглазые, они сперва показались Каттаю близнецами. Один из них просто сидел, свесив между прутьями ноги. Второго держал за шею ошейник, крепившийся короткой цепью к угловой стойке.

— Поторопись, почтенный, ибо солнце скоро закатится, — говорил один из мужчин, такой же стройный и чернобородый, как и Тарким, — а мы добропорядочные торговцы и не заключаем сделок после ухода Надзирающего-за-Правдой!

— Потороплюсь, — невозмутимо отвечивал Ксоо Тарким, — если только вы убедите меня, что мне в самом деле пригодятся эти двое оборвышей. У меня в караване и так уже есть малолетний раб, с которым я не знаю, что делать. Я купил его исключительно из сострадания к другу. Но это, по крайней мере, учтивый и преданный мальчик, из которого добрый господин с лёгкостью воспитает слугу для личных покоев. А ваши, как я посмотрю, сущие зверёныши! Их ещё учить и учить хорошему поведению, да и то скорее палку сломаешь. Какого хоть они племени?

Оглавление

1. Пёсий вой	7
2. «Это — самый дешёвый раб...»	37
3. Зеница Листвы	79
4. «Ты ещё назовёшь меня господином!»	103
5. Кремнёвый дикарь	133
6. Росстани	157
7. Последний привет	201
8. Бездонный колодец	227
9. Золото дураков	253
10. Волкодав!	277

Семёнова М.

С 30 Волкодав : Истовик-камень : роман / Мария Семёнова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 320 с. — (Миры Марии Семёновой).

ISBN 978-5-389-07369-2

Цикл Марии Семёновой о Волкодаве давно стал классикой современной российской фэнтези. Книга «Истовик-камень» описывает приключения последнего воина из рода Серого Пса до начала событий, произошедших в романе «Волкодав».

Плен. Рабство. Подземные рудники. Страшен каторжный труд, но ещё страшнее, когда бывший друг превращается в злейшего врага, а те, к кому потянулась душа, один за другим уходят в небытие... Чтобы отвоевать свободу и сохранить в себе человека, мальчик по имени Щенок становится Волкодавом...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА СЕМЁНОВА

ВОЛКОДАВ
ИСТОВИК-КАМЕНЬ

Ответственный редактор Елена Гуляева
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректор Анна Быстрова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 07.08.2020. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 16,8. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-MSN-15359-04-R